

В. И. Гуляев

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ РАННЕКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА У ДРЕВНИХ МАЙЯ

К моменту испанского завоевания племени языковой группы майя занимали обширную область, включающую в себя современные южно-мексиканские штаты Табаско, Чиapas, Юкатан и Кампече, территорию Кинтана-Роо, всю Гватемалу, Британский Гондурас, а также западные районы Сальвадора и Гондураса. Судя по археологическим данным, очерченные выше границы примерно соответствовали распространению майяской культуры и в более раннюю, так называемую классическую эпоху (I тысячелетие н. э.), когда здесь возникают первые государственные образования. Становление этих раннеклассовых городов-государств и их характер — один из наиболее трудных и запутанных вопросов древней истории Нового Света. Это объясняется и необычайной сложностью самой проблемы, и скудостью источников, освещающих ее. К сожалению, испанские и индейские хроники хранят почти полное молчание по поводу исторических событий, происходивших ранее X в. Многочисленные же иероглифические надписи и тексты, найденные среди руин майяских городов, до сих пор полностью еще не прочитаны. Следовательно, для классического периода мы располагаем пока только археологическими источниками, что не исключает, конечно, всемерного использования, хотя бы в виде ретроспективных построений, более поздних исторических документов и данных этнографии.

В. М. Массон, опираясь на обширные и разнообразные материалы с территории Древнего Востока, наметил следующие признаки раннеклассового общества: наличие сложного хозяйственно-административного аппарата, несовместимого с родовым строем; письменность; города; царские гробницы¹. Видимо, эти же признаки можно использовать и для выделения раннеклассовых обществ доколумбовой Америки. Учитывая явно недостаточную (особенно по сравнению с древневосточными очагами цивилизации) археологическую изученность Мезоамерики и почти полное отсутствие письменных источников для рассматриваемого периода, автор отнюдь не ставит своей задачей всестороннее раскрытие такой большой и сложной темы, как становление раннеклассового общества в одной из важнейших областей Нового Света. Да это практически и невозможно сделать в рамках одной журнальной статьи. Поэтому ниже речь пойдет лишь о некоторых аспектах затронутой проблемы.

Письменность

Согласно традиционной точке зрения, господствовавшей в течение многих лет в зарубежной американской литературе, письменность и календарь у майя, по крайней мере в районе северной Гватемалы, впервые появляются не ранее конца III в. (стела 29 из Тикаля имеет ка-

¹ В. М. Массон, Становление раннеклассового общества на Древнем Востоке, «Вопросы истории», 1967, № 5.

лендарную дату, соответствующую 292 г. н. э.)². Однако последние полевые исследования в западных районах территории майя выявили целую группу более ранних каменных монументов с иероглифическими надписями и датами: стела № 2 из Чиапа де Корсо (36 г. до н. э.)³, стела № 1 из Эль Бауль (37 г. н. э.)⁴, обломок стелы с рельефом и иероглифами из Каминальхуйю (этап Мирафлорес — самый конец I тысячелетия до н. э.)⁵ и т. д. В ходе недавних раскопок в Тикале (Петен, северная Гватемала) на одной из фресок храмовой постройки (5D — Sub. 10—1) было обнаружено изображение какой-то важной персоны в пышном костюме и высоком головном уборе из перьев. Последний был украшен иероглифом календарного знака «Акбаль» (название дня в ритуальном календаре майя). Вся эта постройка и находящаяся под ней гробница (погребение 167), судя по серии радиоуглеродных дат, относится к 25 г. до н. э.⁶ Таким образом, можно предполагать, что процесс сложения письменности и календаря у древних майя завершился по меньшей мере к концу I в. до н. э. — началу нашей эры.

Проблема города

Еще со времен Гордона Чайлда город считается наиболее удобным признаком для разделения цивилизованных и варварских обществ⁷. Главная трудность состоит здесь в том, чтобы выделить те конкретные и, по возможности, археологические признаки, по которым можно было бы отличить город эпохи цивилизации от варварских городков и крупных селений, зачастую имевших значительную площадь, густое население, развитые ремесла и мощную систему укреплений. Важнейшие социально-экономические изменения, протекавшие в недрах общества при переходе его от родовых порядков к раннеклассовым, не могли не отразиться самым серьезным образом на характере существующих поселений, их общей планировке, типах жилищ и других построек.

Прежде всего следует отметить появление больших дворцовых ансамблей — мест обитания правителей городов-государств, их родственников и свиты.

Первые дворцовые сооружения возникают у майя, судя по археологическим данным, еще в конце архаической эпохи, т. е. в последних веках до нашей эры (например, постройка А-1 в Вашактуне)⁸. В первой половине I тысячелетия н. э. мы встречаем здесь уже такие внушительные архитектурные ансамбли, как дворцы Паленке, Тикаля и др. Обычно дворцы доиспанского времени представляют собой каменные длинные постройки со ступенчатым сводом, стоящие на низких платформах-фундаментах. Они, как правило, сгруппированы вокруг одного или нескольких прямоугольных внутренних двориков (например, дворцы в Паленке⁹ и Ишимче¹⁰): Помимо правителя, его семьи, родственников и свиты, на территории дворца постоянно находилось множество слуг, ремесленников (непосредственно обслуживающих нужды двора) и воинов дворцовой стражи. Для содержания этой массы людей, не

² E. M. Shook, Tikal, Stela 29, «Expedition», 1960, vol. 2, No 2.

³ B. Warren, A hypothetical construction of Maya origins, «Actas y Memorias del 35 Congreso Internacional de Americanistas», vol. 1, Mexico, 1964, p. 298.

⁴ M. D. Coe, Cycle 7 monuments in Middle America: a reconsideration, «American anthropologist», 1957, vol. 59, No 4, p. 603.

⁵ M. D. Coe, The Maya, London, 1966, p. 68, tabl. 14.

⁶ W. R. Coe, Tikal, Guatemala, and emergent Maya civilization, «Science», 1965, vol. 147, No 3664, p. 1413.

⁷ Г. Чайлд, Прогресс и археология, М., 1949, стр. 29—32.

⁸ G. Willey, Problems concerning prehistoric settlement patterns in the Maya Lowlands, «Viking Fund Publication in Anthropology», vol. 23, New York, 1956, p. 108.

⁹ J. Marquina, Arquitectura Prehispanica, México, 1964, p. 614, pl. 186.

¹⁰ G. Guillemin, The ancient Cakchiquel capital of Iximche, «Expedition», 1967, vol. 9, No 2, p. 31.

связанных прямым образом с производством пищи, требовались, безусловно, немалые продовольственные запасы. Кроме того, в пору всякого рода тяжелых всеобщих бедствий — эпидемий, неурожая, войн и т. д. — правитель часто выступал в роли некоего общественного гаранта, «благодетеля» и сласителя своих подданных. Наиболее ярко иллюстрирует этот тезис один эпизод из жизни ацтекского правителя Монтесумы I (правильное написание «Мотекухсома») ¹¹.

В 1452—1453 гг. из-за постоянной засухи и неурожая в долине Мехико начался всеобщий голод. Доведенные до крайности ацтеки явились тогда во дворец своего царя и обратились к нему за помощью, обещая взамен добровольно отдать себя в рабство. И оказалось, что Монтесума I имел в дворцовых кладовых столько зерна (кукурузы), что его хватило для того, чтобы обеспечить все огромное население Теночтитлана (к началу конкисты в городе жило по меньшей мере несколько десятков тысяч человек). В память этого события был установлен специальный монумент — «камень голода» (*la piedra del hambre*), прославляющий доброту правителя и описывающий с помощью различных изображений и символов бедствия, обрушившиеся на жителей долины Мехико ¹².

Следовательно, во дворцах индейских правителей скапливалась значительная часть прибавочного общественного продукта, шедшего на удовлетворение непосредственных нужд двора и на различные общегосударственные предприятия: военные кампании, строительство каналов, храмов, дорог и т. д.

Другая важная особенность городской жизни состоит в том, что в эпоху цивилизации прежние легкие святилища и небольшие храмы превращаются в монументальные сооружения из камня, горделиво возвышающиеся на своих высоких пирамидах над хижинами рядовых горожан. Заметные изменения происходят также и в порядках отправления религиозного культа. Вознесенные высоко над земной поверхностью эти новые монументальные храмы были искусственно изолированы от большинства верующих. Попастъ туда могли, вероятно, лишь избранные жрецы и аристократы. Именно к такому выводу приходит, например, Р. В. Кинжалов после анализа храмовых сооружений Тикаля: «Высокие башнеобразные пирамиды также подсказывают мысль, что все ритуалы, происходившие наверху, в святилище, или должны были оставаться тайной для рядового населения города или не касались его» ¹³.

Появление монументальной храмовой архитектуры на территории майя совпадает с самым концом I тысячелетия до н. э. В 50 г. до н. э. в Тикале, в районе «Северного Акрополя», на вершине двухъярусной пирамиды был сооружен каменный двухкомнатный храм (Str. 5D—Sub. 1—1 st.), украшенный по фасаду, вдоль центральной лестницы, огромными масками ягуара, полихромными росписями и рельефами из штука. Пирамидальное основание этого внушительного здания имеет размеры 13×11,4 м и высоту около 4,4 м ¹⁴. Храм, возведенный над гробницей 167 в Тикале (Str. 5D—Sub. 10—1 st.) и датировемый по C₁₄ 25 г. до н. э., также был сложен из камня и, безусловно, имел перекрытие в виде ступенчатого свода — важнейшая черта классической культуры майя в I тысячелетии н. э. ¹⁵.

¹¹ Несмотря на значительный хронологический разрыв между этими двумя эпохами, автор считает вполне допустимым использование для освещения отдельных проблем майяской истории данных по истории ацтеков. Не мешает этому и инокультурная принадлежность ацтеков, так как важнейшие цивилизации доколумбовой Мезоамерики находились примерно на одинаковом уровне социального и экономического развития.

¹² D. A. Chavego, *México a través de los siglos*, t. I, Barcelona, [s. a.], p. 555—563.

¹³ Р. В. Кинжалов, *Искусство древних майя*, Л., 1968, стр. 46.

¹⁴ W. R. Coe, *Tikal, Ten years of study of a Maya ruin in the Lowlands of Guatemala*, «Expedition», 1965, vol. 8, № 1, p. 14—15.

¹⁵ W. R. Coe, *Tikal. Ten years...*, p. 48—49.

К сожалению, мы почти ничего не знаем о внутренней структуре древнеамериканских храмовых хозяйств и о той роли, которую они играли в экономической и политической жизни общества. Однако даже исходя из тех немногочисленных исторических данных, которые имеются, к примеру, по ацтекам, можно предполагать, что мезоамериканские храмы служили не только местом отправления культа, но и играли важную роль в экономической и политической сферах общественной жизни.

Известно, что правители Теночтитлана после окончания своих победоносных походов периодически дарили храмам, и особенно главному ацтекскому храму в честь бога Уицилопочтли, часть захваченных ими земель, а также делали различные ценные приношения и подарки. До наших дней сохранился ацтекский иероглифический кодекс, содержащий перечень натуральных налогов (дани), уплачиваемых различными областями страны храму Уицилопочтли. В состав этих налогов входили, в частности, хлопчатобумажные плащи для жрецов, душистая смола для благовоний, дрова и строительный лес, драгоценные камни и т. д.¹⁶

В конце I тысячелетия до н. э. на территории майя все важнейшие дворцовые и религиозные архитектурные комплексы выделяются из общей массы зданий и размещаются в центральной части города, в особых возвышенных и укрепленных местах — «акрополях», господствующих над всей окружающей местностью. «Акрополь», ставший местом обитания правящей элиты — знати и жрецов, и в прямом, и в переносном смысле господствовал над остальным городом. По-видимому, совершенно аналогичные функции и природу имели «арки» в среднеазиатских феодальных городах, а также цитадели Мохенджо-Даро и Хараппы. В отличие от убежищ и цитаделей эпохи варварства, часто имевших с «акрополями» чисто внешнее сходство, «акрополи» майя резко отличаются от окружающих городских районов по характеру находок. Прекрасной иллюстрацией может служить, например, «Северный Акрополь» Тикаля — крупнейшего центра классической культуры майя в северной Гватемале. Только в районе «акрополя» и прилегающей к нему центральной части города встречаются крупные каменные храмы и дворцы с рядами вычурных стел и алтарей. Только там были сосредоточены все наиболее богатые гробницы с дорогими привозными вещами и украшениями из нефрита. Но чем дальше от центра, тем чаще встречаются руины маленьких жилых домов со скромным набором утвари и ремесленных мастерских (например, были найдены мастерские по обработке кремня и обсидиана). Здесь нет ни великолепных резных монументов, ни ритуальных приношений в тайниках, ни больших храмовых комплексов¹⁷. Подобное искусственное выделение мест обитания правящей верхушки и храмовых зданий от основной массы городского населения характерно абсолютно для всех областей майя.

В тех случаях, где не было специальных «акрополей», необходимый эффект достигался иными, не менее выразительными способами. Город Ишимче — столица какчикелей — был разделен внутри глубоким рвом на две половины: на восточной стороне рва находились дома знати, а на западной — рядовых горожан¹⁸. В столице юкатанских майя — Майяпане — дома знати и жрецов были обнесены высокой каменной стеной, все же остальное население города находилось за пределами этой укрепленной цитадели¹⁹.

В этой связи уместно напомнить описание типичного городка юкатанских майя, сделанное в XVI в. испанским монахом Диего де

¹⁶ D. A. Chavero, Указ. раб., т. 1, стр. XI.

¹⁷ W. Haviland, Prehistoric settlement at Tikal, Guatemala, «Expedition», 1965, vol. 7, № 3, p. 17—22.

¹⁸ G. Guillemin, Указ. раб., стр. 26.

¹⁹ Диего де Ланда, Сообщение о делах в Юкатане, М.—Л., 1955, стр. 113.

Ландой: «Перед тем как испанцы захватили эту страну, местные жители жили все вместе в селениях, в большом порядке. Их поселения были такого характера: в середине селения находились храмы с красивыми площадями, вокруг храмов были дома сеньоров и жрецов и затем людей наиболее богатых и почитаемых, а на окраине селения находились дома людей наиболее низших...»²⁰. Итак, что же такое город? Понятие это на протяжении веков, безусловно, меняло свое содержание. Для той эпохи, которая нас интересует, т. е. для времени сложения раннеклассовых государств, В. М. Массон предлагает следующее определение: город — «это крупное укрепленное поселение; центр сельскохозяйственной округи, но также центр ремесленного производства и торговли, как внутренней, так и внешней»²¹. На наш взгляд, важнейшим определяющим признаком города служит неземледельческий характер его населения, на что справедливо указывал еще Г. Чайлд. Ни размеры, ни количество жителей, ни укрепления, ни ремесленные мастерские и лавки торговцев не помогут нам отличить город от поселений предшествующего времени. Главное отличие здесь в том, что основу городского населения составляли люди, не производящие непосредственно продовольственных продуктов: специалисты-ремесленники, чиновники, торговцы, жрецы, солдаты и т. д. Бессспорно, решить вопрос о структуре городского населения чисто археологическими методами очень трудно. Здесь необходимы совместные усилия ученых разных специальностей: археологов, этнографов, социологов, экономистов и т. д. Такая исследовательская работа ведется сейчас в Мезоамерике (особенно на территории майя) во все возрастающих масштабах. Правда, полученные выводы относятся пока лишь к самому концу классического периода. Подсчитано, например, что в VIII—IX вв. в центральной части Тикаля на площади в 3,5 кв. мили одновременно существовало когда-то 2337 построек (меньшая часть из них была раскопана, остальные обследованы с помощью шурфов или какими-либо иными способами). Из них религиозные и административные здания составляли не более 10%. На основе этнографических наблюдений и испанских хроник XVI в. ученые высчитали, что у древних майя каждая семья, проживавшая в одном доме, состояла в среднем из 5—6 человек. Следовательно, по самым минимальным подсчетам в VIII—IX вв. в центральной зоне Тикаля проживало 10—11 тысяч человек²².

Поскольку значительная часть населения Тикаля (знать, жрецы, двор правителя, чиновники, воины, ремесленники, торговцы и т. д.) не была связана с земледелием, то вполне очевидно, что если в черте города и жили земледельцы, возделывавшие сады, огороды и небольшие кукурузные поля, то они были явно не в состоянии прокормить остальное население. Тикаль, как и другие крупные города майя, существовал за счет обширной земледельческой округи, поставившей ему все необходимые сельскохозяйственные продукты и главным образом маис. Видимо, размеры этой округи были настолько велики²³, что вокруг метрополии сложилась еще целая группа более мелких городов-сателлитов (Йолантун, Чикин-Тикаль, Эль-Энканто и др.), куда первоначально стекались продукты земледелия из селений, прежде чем они попадали в Тикаль²⁴. Наличие у древних майя сложной системы в виде крупных городских центров, городов-сателлитов вокруг них и земледельческих

²⁰ Диего де Ланда, Указ. раб., стр. 133.

²¹ В. М. Массон, От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества, «VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР», М., 1966, стр. 164.

²² W. H a v i l a n d, Указ. раб., стр. 23.

²³ Нужно напомнить, что у древних майя не было ни колесного транспорта, ни выючных животных.

²⁴ W. H a v i l a n d, Указ. раб., стр. 23.

селений доказываются и последними археологическими исследованиями в Петене (северная Гватемала), которые производил Уильям Буллард²⁵.

При обследовании Цибильчальтуна — гигантского центра классического времени на полуострове Юкатан — археологи зарегистрировали на площади в 7,7 кв. миль (что составляет 40% общей площади города) 8526 построек с каменными стенами или на каменных фундаментах. Это дает для всего города в целом соответственно около 21 тысячи каменных построек. Кроме того, там же выявлены и еле заметные следы множества легких зданий из дерева и глины, которые, безусловно, составляли прежде значительную часть всех жилищ рядовых горожан. На основе полученных данных американский археолог У. Эндрюс подсчитал, что в конце классического периода (т. е. в VIII—IX вв. н. э.) население города доходило до 100 тысяч человек. По словам того же автора, это, безусловно, указывает на чисто городскую, неземледельческую природу Цибильчальтуна. Одним из главных занятий его жителей была добыча соли из близлежащих соляных озер и последующая торговля этим ценным продуктом²⁶.

Из 4 тысяч построек, обнаруженных раскопками на территории юкатанского города Майяпана (XIII—XV вв.), 3500 были жилыми домами и лишь 140 относились, видимо, к культовым сооружениям. По мнению археологов, население Майяпана составляло примерно 11—12 тысяч человек²⁷.

Судя по археологическим данным и свидетельствам письменных источников первых лет конкисты, у майя-покоям (горная Гватемала) древние города, такие как Мишко-Вьехо, Чинаутла и т. д., имели по несколько десятков ритуальных и общественно-административных построек и множество платформ-фундаментов жилищ. Общественные здания, в том числе дворцы, храмы и площадки для ритуальной игры в мяч, всегда располагались в центре города, на вершинах гор и холмов, тогда как остальные постройки лепились по склонам (это, видимо, тоже своеобразный естественный «акрополь»). Численность населения каждого такого городка колебалась от 5 до 10 тысяч человек²⁸.

В связи с вопросом о неземледельческой природе древних городов Мезоамерики уместно напомнить, что, по словам старых испанских хроник, в Теночтитлане и Тескоко во многих кварталах («*barrio*») существовали свои рынки, где жители города ежедневно покупали продовольствие и необходимые для них товары. И когда Кортес задумал захватить столицу ацтеков, он первым делом перекрыл все сухопутные и водные пути, связывавшие Теночтитлан с окрестными селениями. Без постоянного подвоза продуктов извне основная масса городского населения существовать не могла, и вскоре город пал²⁹.

Что касается других признаков сложившегося города, то они свойственны, собственно говоря, не только ему одному, но и всей культуре эпохи цивилизации в целом. Город как средоточие политической, религиозной, торгово-ремесленной и культурной деятельности лишь дает, естественно, наиболее яркое их выражение.

Исходя из всей совокупности имеющихся сейчас данных, можно предполагать, что перечисленные выше признаки городской жизни

²⁵ W. Bullard, *Maya settlement pattern in Northeastern Peten, Guatemala*, «*American Antiquity*», 1960, vol. 25, № 3, p. 367—370.

²⁶ W. Andrews, *Dzibilchaltun, a northern Maya metropolis*, «*Archaeology*», 1968, vol. 21, № 1, p. 47.

²⁷ H. Pollock, R. Roys, T. Proskouriakoff, A. L. Smith, *Mayapan, Yucatan, México*, Carnegie Institution of Washington, publication 619, Washington, 1962, p. 205—211.

²⁸ S. W. Miles, *Maya settlement patterns: a problem for ethnology and archaeology*, «*Southwestern Journal of Anthropology*», 1957, vol. 13, № 3, p. 239—241.

²⁹ W. T. Sanders, *The Central Mexican symbiotic region*, «*Viking Fund Publication in Anthropology*», vol. 23, New York, 1956, p. 121.

(дворцы, монументальные храмы, «акрополи») появляются у майя в самом конце I тысячелетия до н. э. — на рубеже нашей эры. Это хорошо согласуется со временем возникновения у майя стел и алтарей с иероглифическими надписями и календарными датами, т. е. именно с тем признаком, который считается в археологической практике решающим при определении начальных этапов цивилизации.

Царские гробницы

Как известно, уже сам факт появления пышных царских захоронений рассматривается многими советскими и зарубежными исследователями как один из важнейших признаков раннеклассового общества. Гордон Чайлд подчеркивает при этом, что первые царские гробницы отличаются от рядовых могил своими большими размерами, архитектурой (гробница царя — подземная копия его дворца) и особым характером приношений (не только их богатством и пышностью, но и наличием человеческих жертвоприношений)³⁰.

«В шахте одной из царских гробниц Ура лежало 59 покойников, среди которых было шесть воинов в доспехах и девять женщин, усыпанных дорогими украшениями. После окончания этих страшных церемоний могильную яму засыпали..., а над ней воздвигали нечто вроде надгробного святилища, соединявшегося с погребальной камерой керамической трубой»³¹.

Надо сказать, что наблюдается поразительное сходство между погребальными обрядами правителей Древнего Востока и доколумбовой Америки.

В 1952 г. мексиканский исследователь Альберто Рус при раскопках «Храма надписей» в городе Паленке (штат Чиapas, Мексика) обнаружил в глубине двадцатитрехметровой пирамиды (служившей основанием храма) погребальную камеру с каменным резным саркофагом, вес которого достигал нескольких тонн.

В полу храма было квадратное отверстие, прикрытое каменной плитой. Оно оказалось устьем подземного туннеля с узкой лесенкой, соединившей храм и погребальную камеру, спрятанную в толще пирамиды, почти у ее основания. У входа в гробницу был обнаружен грубый каменный ящик с останками пяти юношей и девушки. Искусственно деформированная лобная часть черепа и следы инкрустации на зубах свидетельствуют о том, что речь идет не о рабах, а о знатных людях, принесенных тем не менее в жертву какому-то могущественному лицу³². Погребальный склеп имел около 9 м в длину и 4 м в ширину. Его сводчатый потолок (ступенчатый свод — характернейшая черта классической архитектуры майя) достигал 6 м высоты. И стены и свод были сложены из тщательно отесанных квадратных каменных блоков. Внутри помещение украшали штукковые рельефы, изображавшие, видимо, девять богов подземного царства³³. Посредине склепа стоял громадный каменный саркофаг, сплошь испещренный причудливой резьбой. Возле него находилось несколько глиняных сосудов и две великолепные алебастровые головы юношей, отбитые когда-то от целых статуй. «Помещенные в склеп в качестве приношения, — пишет А. Рус, — они, возможно, представляли собой имитацию человеческого жертвоприношения. Подобное жертвоприношение у древних майя было связано с культом маиса»³⁴. В саркофаге на шкуре ягуара лежал на спине, вытянутый

³⁰ Г. Чайлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 136—138.

³¹ Там же, стр. 233.

³² A. Ruz Lhuillier, La civilización de los antiguos Mayas, Santiago de Cuba, 1957, p. 154.

³³ Там же, стр. 155—156.

³⁴ Там же, стр. 156.

во весь рост, скелет рослого, по майяским стандартам, мужчины (длина скелета 1,73 м), почти сплошь закрытый многочисленными украшениями из драгоценного зеленого нефрита: диадема с фигуркой божества летучей мыши, «серьги», ожерелье, нагрудная бляха, браслеты из бусин, нефритовая статуэтка бога солнца на поясе и, наконец, мозаичная нефритовая маска, передающая, по мнению А. Руса, более или менее достоверный облик умершего³⁵.

Скелет и внутренняя часть усыпальницы были густо посыпаны пурпурной краской. На верхней крышке саркофага сохранились остатки различных атрибутов власти и регалий умершего правителя: пояс из кусочков нефрита, украшенный тремя антропоморфными масками из того же материала и девятью сланцевыми привесками в виде «топоришков», маленький круглый щит с маской солярного божества и, вероятно, скипетр с фигуркой бога дождя наверху и змеиной головкой на рукояти³⁶.

От саркофага вела наверх длинная каменная труба, оформленная в виде фигуры змеи. Она заканчивалась в верхнем помещении храма, недалеко от алтаря. Эту трубу А. Рус назвал «каналом для души», предназначенным, по его словам, для духовного общения жрецов и здравствующих членов царской фамилии с их почившим божественным предком³⁷, поскольку лестница после совершения похорон была засыпана обломками камней, и между гробницей и храмом наверху существовала только магическая связь через «канал для души».

Атрибуты и регалии царской власти, обнаруженные в погребальной камере «Храма надписей», запечатлены в искусстве майя позднеклассического периода множеством раз: на рельефах, стелах, алтарях и фресках (Киригуа, Копан, Тикаль, Иашчилан).

В эпосе майя-киче «Пополь Вух», созданном, по-видимому, еще в доиспанский период, но дошедшим до нас в более позднем варианте, говорится: «...Он дал им знаки правления и все отличительные символы. Полностью Накшит дал им знаки отличия владык, и вот все они, перечисленные по их названиям: балдахин, трон, флейты, барабаны, желтые бусы, когти пумы, голова ягуара...»³⁸.

Трудно сказать, насколько достоверны все перечисленные выше атрибуты, но некоторые из них бесспорно служили отличительными признаками царской власти: например, троны и балдахины. Особенно интересно упоминание среди царских регалий когтей пумы и головы ягуара — животного, которое играло очень важную роль в религиозных воззрениях древних майя. И совсем не случайно шкура, клыки и когти этого грозного владыки джунглей стали широко использоваться владыками земными в качестве атрибутов своей власти. Более того, ягуар считался божественным покровителем многих правящих династий майяских городов-государств³⁹.

На каменных рельефах и фресках классической эпохи часто изображаются персонажи, облаченные в плащи, набедренные повязки или сандалии из шкуры ягуара. Причем их высокое общественное положение намеренно подчеркивается художником либо с помощью увеличенных размеров, либо какими-нибудь иными приемами.

Наконец, весьма примечательно, что почти во всех наиболее богатых и пышных погребениях майя встречаются клыки, когти, а иногда шкура ягуара, хотя и очень плохой сохранности. Так, в самом большом храме Тикаля (храм I) — «Храме гигантского ягуара» была обнаруже-

³⁵ A. Ruz Lhuillier, Указ. раб., стр. 159—160.

³⁶ Там же, стр. 164.

³⁷ Там же, стр. 164.

³⁸ «Пополь Вух», М.—Л., 1959, стр. 144.

³⁹ T. Proskouriakoff, The lords of the Maya realm, in: «Ancient Mesoamerica. Selected Readings», Palo Alto, 1966, p. 168—175.

на впускная гробница 700 г. н. э. с богатым инвентарем. Погребенный лежал на толстом коричневом слое органического вещества, которое, по определению специалистов, представляло собой остатки шкуры ягуара. Здесь же лежали клыки и другие кости этого зверя⁴⁰.

Что касается человеческих жертвоприношений, то в погребальной практике майя они применялись в крайне редких и особо торжественных случаях и всегда в сравнительно небольших масштабах. Обычно в погребениях знатных лиц находят один или два скелета принесенных в жертву людей (погребения 48, 166, 167 в Тикале). Однако, как уже отмечалось, в Паленке, в знаменитой гробнице правителя из «Храма надписей», были обнаружены останки шести человек⁴¹. В Тикале число человеческих жертвоприношений в одном погребении доходило до девяти (погребение 10, первые века нашей эры)⁴².

Испанский хронист Диего Дуран сообщает, что у ацтеков во время похорон «тлатоани» (правителя) приносили в жертву от 50 до 60 человек⁴³. Однако число принесенных в жертву людей на похоронах правителя Ахуицотла превысило 200 человек⁴⁴.

Среди украшений и драгоценностей, сопровождавших обычно правителя в загробный мир, особенно выделяются красочные погребальные маски, которые либо передают реальный облик умершего, либо изображают божество, так или иначе связанное с личностью правителя. Испанский историк Антонио Эррера, долгое время изучавший культуру индейцев-Миштеков в Оахаке, отмечает следующее: «Если умирал правитель, то погребальные церемонии совершались очень пышно, покойного обряжали в лучшие одежды, клали на лицо маску (курсив мой.— В. Г.)...»⁴⁵.

У нахуа «тело умершего (правителя Аскапоцалько — Тесосомока.— В. Г.) одели в царские одежды, положили ему все его регалии..., а на лицо надели мозаичную маску — точный портрет умершего царя»⁴⁶. Во время торжественных похорон в 1481 г. «тлатоани» ацтеков Ашайякатля его последовательно обряжали в одежды четырех богов, представителем которых на земле он считался (Уицилопочтли, Тлалок, Йохуалахуа и Кецалькоатля). «На его лицо они клали маску в виде морды ягуара с гусиноподобным клювом»⁴⁷.

На территории майя великолепные мозаичные маски из нефрита и раковин также встречаются в наиболее богатых гробницах и погребениях (Паленке, Тикаль, Вашактун и др.). Что касается пурпурной краски, то в космогонии майя красный цвет ассоциируется с Востоком, поскольку именно там «рождается» каждый раз солнце после своей ежедневной «смерти» на Западе. Восток вследствие этого — место воскрешения, и красный цвет, который представляет его в гробницах и погребениях, символизирует таким образом бессмертие⁴⁸.

Огромная плоская плита в «Храме надписей», закрывавшая сверху саркофаг, украшена низкорельефными изображениями, которые образуют довольно сложную композицию: внизу — стилизованная маска чудовища-божества земли (в виде гигантского черепа с клыками). Послед-

⁴⁰ A. Trik, The splendid tomb of Temple I at Tikal, Guatemala, «Expedition», 1963, vol. 6, № 1, p. 89.

⁴¹ A. Ruz Lhuillier, Указ. раб., стр. 154.

⁴² W. R. Coe, Tikal. Ten years..., p. 27—28.

⁴³ D. Duran, The Aztecs. The history of the Indians of New Spain, New York, 1964, p. 177—178.

⁴⁴ Там же, стр. 218.

⁴⁵ Antonio de Herrera, Historia general de los hechos de los castellanos en las Islas y Tierras Firme del Mar Oceano, Madrid, 1726, 3. p. 99.

⁴⁶ M. Orozco y Berra, Historia antigua de la cultura, aborígenes de México, México, 1961, p. 182.

⁴⁷ D. Duran, Указ. раб., стр. 176; Маска ягуара с гусиным клювом — атрибут бога ветра Кецалькоатля.

⁴⁸ A. Ruz Lhuillier, Указ. раб., стр. 161—162.

нее ассоциировалось у индейцев Мезоамерики с неким чудовищным пресмыкающимся, которое питается живыми существами, поскольку все живое в конце концов возвращается в землю. На маске чудовища сидит молодой мужчина в богатом костюме. Он слегка запрокинул назад и опирается на четыре предмета, два из которых — символы смерти и разрушения (раковина и знак напоминающий «%»), а два других — напротив, символизируют рождение жизни (зерно и стилизованный початок кукурузы). Выше этого персонажа изображен какой-то крестообразный растительный мотив — «древо жизни» (а скорее всего — символическое изображение кукурузы) ⁴⁹.

Наиболее правильную, на наш взгляд, трактовку этой сцены предложил А. Рус. «Молодой персонаж, который сидит на маске чудовища земли, должен быть одновременно и человеком, предназначенным вернуться в один прекрасный день на землю, и маисом, чье зерно должно быть погребено в земле, прежде чем оно прорастет. Крестовидный предмет, на который так пристально смотрит человек, также изображает маис, который с помощью людей и различных сил природы прорастает из земли, чтобы служить затем пищей человеку. С идеей воскрешения маиса для маяя ассоциировалась и идея собственного воскрешения человека» ⁵⁰. Таким образом, круг идей, запечатленных на саркофаге правителя из Паленке, уводит нас к весьма распространенным у древних земледельческих народов верованиям, которые характеризуются обожествлением сил природы и поклонением им. «Подобно тому как Осирис, дух пшеницы и растительности, рождается каждый год вновь благодаря Нилу, оплодотворяющему почву, в которой погребены части тела божества, для маяя юный бог маиса возрождается в каждом урожае благодаря солнцу и дождю. В обоих случаях жизненный цикл главного сельскохозяйственного растения интерпретируется как смерть и воскрешение божества, давая тем самым людям пример и обещание бессмертия» ⁵¹.

Стается выяснить, для чего понадобилось воплощать подобные воззрения в скульптурах гробницы из Паленке.

Прежде всего следует подчеркнуть одну немаловажную деталь: незначительные размеры подземного туннеля и лестницы, а с другой стороны, колоссальный вес и величина каменного саркофага абсолютно исключали возможность доставки его вниз по лестнице уже после строительства храма. Следовательно, саркофаг и гробница в этом комплексе — главный элемент, а пирамида и храм — подчиненный. Они были выстроены над уже готовой гробницей, чтобы защитить ее от разрушения, скрывать от непрошенных взоров и, наконец, служить для отправления культа погребенного в саркофаге человека. «Не исключено, — пишет А. Рус, — что погребенный в «Храме надписей» человек сам был и вдохновителем, и организатором строительства своей гигантской усыпальницы» ⁵². Не приходится сомневаться и в том, кто был погребен в гробнице «Храма надписей». Перечисленные выше черты погребального ритуала, неимоверно большие затраты общественного труда на строительство этого гигантского мавзолея, и, наконец, наличие атрибутов власти, хорошо известных нам по изображениям на стенах и рельефах классического времени, подтверждают, что мы имеем здесь дело с погребением царя, правителя, «халач виника».

Пышные гробницы, находившиеся в пирамидах храмов и непосредственно связанные с храмовыми помещениями наверху (с помощью специальных ходов, лестниц или колодцев), известны и в других городах

⁴⁹ А. Ruz Lhuillier, Указ. раб., стр. 161—162.

⁵⁰ Там же, стр. 163.

⁵¹ Там же, стр. 165.

⁵² Там же, стр. 163.

мая: в Чичен-Ице⁵³, Комалькалько⁵⁴, Иашчилане⁵⁵ и в том же Паленке (храм XVIII-A)⁵⁶. Вместе с тем часто встречаются и такие случаи, когда гробница правителя или какого-то знатного лица сооружалась в уже готовом действующем храме, в глубине пирамиды или под центральной лестницей. Видимо, мы имеем здесь дело с археологическим отражением заупокойного царского культа у древних майя наподобие древневосточного и египетского. Но если, скажем, в Египте заупокойный храм строился рядом с пирамидой, содержавшей гробницу фараона, то в доколумбовой Мексике та же идея была решена конструктивно несколько иначе — путем соединения в одно целое по вертикали и заупокойного храма, и гробницы правителя. Впервые тезис о наличии заупокойных храмов у майя выдвинул А. Рус после своего блестящего открытия в «Храме надписей». Позднее этому вопросу посвятил специальную статью и американский исследователь Майкл Д. Ко⁵⁷.

Наличие заупокойного царского культа в доколумбовой Мезоамерике и взаимосвязи пирамидального храма с помещенной в нем гробницей находят подтверждение и в письменных источниках более позднего времени.

В легендах и преданиях нахуа о создателях теотихуаканской цивилизации в долине Мехико говорится, например, следующее:

«И они назвали город Теотихуакан, потому что когда умирали правители, их там хоронили. А затем воздвигали над ними пирамиды, которые стоят еще до сих пор»⁵⁸.

Диего де Ланда в своем фундаментальном труде о юкатанских майя (1566 г.) указывает: «что до правителей и людей очень знатных, они сжигали их тела, клали пепел в большие сосуды и строили над ними храмы»⁵⁹.

Гватемальский хронист Фуэнтес и Гусман (XVI в.) так описывает погребальные обряды в честь правителей у горных майя: «После церемоний и прощальных слов... они клали царя в гробницу вместе с различными драгоценностями — золотом, серебром, нефритом, горным хрусталем и перьями птицы кецаль. Затем убивали всех рабов, и женщин и мужчин, которые ему прислуживали, так чтобы они могли и в дальнейшем заботиться о своем господине... Над гробницей они насыпали из камней и земли холм, величина которого зависела от знатности умершего. Когда эта работа была закончена..., они изготовляли статую умершего повелителя и с различными церемониями устанавливали ее на вершине холма. И туда приносили цветы, благовония, приносили там в жертву птиц и зверьков, и с тех пор данное место становилось святилищем, поскольку они приписывали его статуе божественные свойства, считая, что подобно тому, как он правил при жизни, он и после смерти будет заботиться об их благоденствии и процветании»⁶⁰.

Гробница из «Храма надписей» в Паленке — наиболее яркий пример царских погребений на территории майя. Он знаменует собой конечную стадию развития, длившегося много веков.

⁵³ E. H. Thompson, The high priest grave, Chichen Itza, Yucatan, Mexico, «Anthropological series of the Field Museum of Natural History», vol. 27, No 1, Publication 412, Chicago, 1938, p. 16—42.

⁵⁴ F. Blom and O. La Farge, Tribes and temples, vol. 1, New Orleans, 1926, p. 115—130.

⁵⁵ A. Ruz Lhuillier, Estudio preliminar de los tipos de enterramientos en el area Maya, «Actas del 33 Congreso Internacional de Americanistas», t. 2, San José, 1959, p. 191.

⁵⁶ Там же, стр. 189—190.

⁵⁷ M. D. Coe, The funerary temple among the classic Maya, «Southwestern Journal of Anthropology», 1956, vol. 12, № 4, p. 387—393.

⁵⁸ M. Leon-Portilla, Los antiguos mexicanos a través de sus crónicas y cantares, México, 1961, p. 26.

⁵⁹ Диего де Ланда, Указ. раб., стр. 163.

⁶⁰ S. W. Miles, The XVI-th century Pokom-Maya: a documentary analysis of social structure and archaeological setting, «Transactions American Philosophical Society», n. s., 1957, vol. 47, pt. 4, p. 749.

Однако последние работы американских археологов в Тикале (Пен) позволяют проследить начальную стадию формирования заупокойного царского культа.

В 1960-х годах, при раскопках «Северного Акрополя» в центральной части древнего города были найдены три интересных гробницы (погребения 166, 167 и 85).

Погребение 166 помещалось в прямоугольной камере, сложенной из камня и имевшей перекрытие в виде ступенчатого свода. В центре гробницы, на полу, лежал на спине скелет взрослого человека (пол и возраст определить не удалось из-за плохой сохранности костей) — скелет «А». Другой костяк — «Б» (видимо, женский) был при захоронении расчленен и сложен грудой в ногах скелета «А». При этом череп скелета «Б» отделили от других костей и положили в глиняный сосуд. На скелете «А» найдены ожерелье из нефритовых бус и раковин, иглы морского ежа и амулет из раковины с резным изображением божества. Стены гробницы, оштукатуренные изнутри и покрашенные затем в красный цвет (ср. с гробницей из Паленке), были, кроме того, испещрены какими-то затейливыми росписями, нанесенными черной краской. Сохранность их очень плохая. Пока удалось выявить шесть антропоморфных фигур в пышных костюмах и вычурных головных уборах. Над гробницей, видимо, для каких-то определенных целей, сразу же был построен небольшой храм из дерева и глины, стоявший на платформе красного цвета. Это святилище прочно «запечатало» устье ямы, ведущей к гробнице с погребением 166. Дата всего этого комплекса определена на основе целой серии радиоуглеродных анализов — 50 г. до н. э.⁶¹

Погребение 167 также находилось в прямоугольной каменной гробнице со ступенчатым сводом. На полу ее лежал на спине головой на восток костяк взрослого мужчины (скелет «А»). На черепе его стояла большая глиняная чаша, содержавшая внутри расчлененный и неполный женский скелет. Близ костей ног скелета «А» находился еще один керамический сосуд с останками девятимесячного младенца. На костях мужского скелета и вокруг него были обнаружены ожерелья и браслеты из раковин, иглы морского ежа и вотивная антропоморфная статуэтка из зеленого камня. В северной части гробницы, датируемой по C_{14} 25 г. до н. э., стояли девять глиняных сосудов и полихромная расписная урна⁶². Немедленно вслед за сооружением гробницы и окончанием погребальных церемоний над ней была возведена постройка 5D — Sub. — 10-1. На двухступенчатой алой платформе размерами $3 \times 3,3$ м стоял крошечный каменный храмик со ступенчатым сводом. На стенах внутри святилища, оштукатуренных и окрашенных в красный цвет, сохранились остатки полихромных росписей: человеческие фигуры в богатых костюмах и масках и какие-то растительные мотивы⁶³.

Еще более интересную картину наблюдаем мы в случае с погребением 85, которое относится, судя по данным C_{14} , к рубежу нашей эры (16 ± 63 г. н. э. и 1 ± 46 г. до н. э.). На полу каменного склепа со ступенчатым сводом находился один-единственный скелет, принадлежавший взрослому мужчине. Череп не обнаружен, на его месте найдена великолепная маска из зеленого камня, глаза и зубы которой были образованы инкрустациями из раковин⁶⁴. Хотя маска довольно реалистично передает черты лица какого-то юноши, вряд ли ее следует считать портретным изображением умершего. Дело в том, что в верхней части маски изображена диадема со стилизованным початком кукурузы. И это позволило Р. В. Кинжалову рассматривать данный предмет как «древ-

⁶¹ W. R. Coe, Tikal, Guatemala, and emergent Maya..., p. 1412.

⁶² Там же, стр. 1413.

⁶³ W. R. Coe, Tikal. Ten years..., p. 19.

⁶⁴ W. R. Coe, Tikal, Guatemala, and emergent Maya..., p. 1414.

нейшее изображение божества кукурузы»⁶⁵. Если это так, то перед нами погребение какого-то важного лица, в маске бога кукурузы, что сразу же заставляет вспомнить аналогичные «маисовые» сюжеты из гробницы «Храма надписей» и погребальные ритуалы ацтеков по облачению усопших владык в костюмы и маски различных богов.

Зная, какую колоссальную роль играла кукуруза в экономике и религии древних майя, не приходится удивляться тому, что правители майяских городов-государств, соединявшие, видимо, в своих руках светскую и частично духовную власть, уже с очень ранних времен принимают активное участие в разного рода аграрных культах. На стеле 40 из города Пьедрас-Неграс (северная Гватемала) изображена, например, очень интересная сцена: в верхней части монумента показан какой-то персонаж в богатом костюме и с короной из листьев кукурузы на голове. Стоя на коленях на низкой платформе (скорее всего это трон), он горстями бросает вниз зерна кукурузы. Внизу древний мастер изобразил стилизованную фигуру божества земли. Всю эту сцену обрамляют побеги кукурузы⁶⁶. Видимо, на стеле 40 показано участие правителя города в ритуальном севе кукурузы — обряд, напоминающий египетский и древневосточный аграрные культы с участием царей.

После завершения всех церемоний над гробницей 85, так же как и в двух предыдущих случаях, была возведена легкая храмовая постройка на платформе алого цвета⁶⁷.

Таким образом, обычай строить святилища над гробницами лиц высокого социального ранга появился у майя (по крайней мере в Тикале) еще в I в. до н. э. Следует также напомнить, что все три подвергшихся анализу тикальских погребения находились в каменных склепах со ступенчатым сводом, а это, бесспорно, древнейшие образцы каменной архитектуры со сводом на территории майя. В дальнейшем, в классическую эпоху (I тысячелетие н. э.), в число каменных построек со ступенчатым сводом входили только два вида зданий — наиболее крупные храмы и дворцы. Что касается погребальной архитектуры, то и в раннюю пору и позднее в каменных гробницах со сводом хоронились только самые богатые и знатные лица. И это вполне естественно, поскольку жилища мертвых часто строились по прямому подобию тех жилищ, которые принадлежали им при жизни.

Перечисленные выше признаки раннеклассового общества майя (письменность, города, царские гробницы) более или менее четко выступают из глубин архаики не ранее I в. до н. э. — рубежа нашей эры. Видимо, именно это время и приходится считать подходящим при определении начальных этапов цивилизации в данной области Нового Света.

SUMMARY

A number of important characteristics of early class society among the ancient Maya is brought under consideration: written language, settlement pattern, royal tombs. An analysis of the plentiful archaeological material obtained in excavations of Maya cities in the last few years, as well as data from more recent written sources, have permitted the author to conclude that all these characteristics of early class society originated on the verge of our era.

Another object of the author is to bring out specific traits (if possible — archaeological data) within the general criteria of civilization. Such characteristics of a city as palace and temple complexes, the segregation of the most important administrative and religious buildings into special units — «acropolises», are of major importance. Royal tombs are distinguished from other rich sepulchres by their larger size, luxurious decoration, the quantity of wasted social labour, human sacrifices, quantity and quality of funereal equipment, and a number of other specific characteristics (funereal masks, jaguar skins, various attributes of power, cult of the dead, etc.).

⁶⁵ Р. В. Кинжалов, Указ. раб., стр. 36.

⁶⁶ S. G. Morley, *The ancient Maya*, Stanford, 1947, tabl. 54.

⁶⁷ W. R. Coe, *Tikal, Guatemala, and emergent Maya...*, p. 1414.